

начала, а в сторону общины. Общинные порядки были более приемлемы для феодально-крепостнического государства.

Во второй части работы Ю. В. Кожухов показал хозяйственное положение крестьян в зависимости от размеров и способов взимания податей и от характера и размеров натуральных и денежных повинностей.

Барварские формы закабаления сибирских крестьян, приписанных к заводам в XVIII в., вскрыл В. И. Макаров в исследовании «Крестьяне Сибири по наказам в Комиссию 1767 года». Этим крестьянам приходилось отрабатывать подати на рудниках и заводах. При малой плотности населения они много времени затрачивали в пути к месту приписки. Наряду с зарождением новых капиталистических отношений (появление наемных рабочих) приписка крестьян к заводам консервировала феодально-крепостнические порядки. Из наказа енисейских крестьян видно, что оброчная подать для части сибиряков была заменена натуральным оброком (оброчным провиантом). Автор приводит интересные данные о размере оброчного провианта с 1728 по 1750 гг., который определялся существовавшей ранее государственной пашней, а сам натуральный оброк назывался десятинным провиантом. Наказ Тугурской слободы Илимского ведомства Иркутской губернии дает представление о размере десятинного провианта. Для тутурцев 13,5 десятины государственной пашни были заменены уплатой 1540 пудов провианта. Другими словами, за одну десятину государственной пашни крестьяне вносили более чем по 114 пудов хлеба. Это намного превышало урожайность.

В Нерчинском, Селенгинском, Иркутском и Илимском уездах (ведомствах) денежный оброк уживался с натуральным и даже с барщиной.

В целом о том следует сказать, что авторы помещенных в нем статей осветили ряд спорных или не исследованных в исторической литературе вопросов.

В работах Н. Н. Степанова, Н. А. Свешникова, И. И. Огрызко разрабатываются важные стороны истории тех малых народов Сибири, которые перешли к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Чтобы во всей полноте оценить значение социалистических преобразований всего их жизненного уклада, надо знать подробно их историю.

Не менее важное политическое значение имеют и исследования Л. Ф. Склярова, Ю. В. Кожухова и В. И. Макарова, посвященные важным сторонам истории русского народа в Сибири. Читая их работы, нельзя не вспомнить слова первого русского революционера А. Н. Радищева, который 24 июля 1791 г. писал из Тобольска: «Как богата Сибирь своими природными дарами! Какой это мощный край! Нужны еще века; но как только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летописях мира!».

И. Тугутов

ИССЛЕДОВАНИЕ О Е. Р. РОМАНОВЕ¹

Среди немногочисленных трудов по белорусской этнографии привлекает внимание читателя книга В. К. Бондарчика о белорусском этнографе Е. Р. Романове. Ценность рецензируемой работы составляет глубокое и всестороннее исследование научной деятельности Е. Р. Романова, его жизненного пути. Это исследование соединяется с анализом борьбы общественных течений, дано на фоне общего состояния белорусской этнографической науки второй половины XIX — начала XX в. Е. Р. Романов показан не только как собиратель фольклорно-этнографических материалов, но и как ученый с определенными научными установками и общественными интересами.

Вопросы истории белорусской этнографии разработаны слабо; поэтому В. К. Бондарчик правильно сделал, открыв свою книгу главой, в которой рассматривается история белорусской этнографической науки во второй половине XIX — начале XX столетия. В работе дан краткий обзор самого интенсивного в дооктябрьское время этапа изучения духовной и материальной культуры белорусского народа. Автор ее справедливо убежден в большом значении этнографической науки в жизни белорусского народа. «Этнография в Белоруссии, — пишет он, — сыграла немаловажную роль в развитии белорусской национальной культуры. Дореволюционные этнографы своей деятельностью популяризовали культуру белорусского народа, пробуждали его национальное самосознание» (стр. 5). В то время белорусский народ складывался в нацию, росло и крепло его национальное самосознание, развивались его культура и литература. И хотя как польские (А. Рыпинский), так и русские великодержавные шовинисты (К. Говорский, М. Каялович) отрицали право белорусского народа на самостоятельное национальное развитие, не хотели признать его самобытности, — научные данные об историческом прошлом, о материальной и духовной культуре белорусов доказывали обратное.

Передовые русские, белорусские и украинские ученые, работавшие в области гуманитарных наук, опирались в своих трудах на высказывания русских демократов, ве-

¹ В. К. Бондарчик. *Еўдакім Раманавіч Раманаў*. Выдавецтва Акадэміі навук БССР, Мінск, 1961, 308 стр.

ривших в великие возможности развития больших и малых народов царской России. Хочется особо подчеркнуть первостепенное значение деятельности представителей местной белорусской интеллигенции, собиравших, публиковавших и исследовавших этнографические и фольклорные материалы. Именно П. Шпилевскому, И. Носовичу, А. Киркору в 40—50-х годах прошлого века, М. Дмитриеву, Ю. Крачковскому, А. Семантовскому в 60—70-х годах, П. Шейну, В. Добровольскому, Д. Булгаковскому, Н. Никифоровскому, А. Богдановичу, А. Дембовецкому в 80—90-х годах, Е. Карскому, А. Сержпутовскому, М. Сербову и другим в последующее время — многим обязана белорусская культура.

Прав исследователь, когда говорит: «Среди работ по материальной и духовной культуре белорусов этнографическим работам Е. Р. Романова принадлежит одно из почетных мест» (стр. 63). Это убедительно доказывается в последующих трех главах о жизненном пути, собирательской и научной деятельности Е. Романова; в них анализируются важнейшие этнографические труды ученого, показавшего миру сокровища культуры и творчества белорусов, их национальное своеобразие. Автором привлечен огромный фактический материал, как опубликованный, так и выявленный им в архивохранилищах, музеях и научных учреждениях Ленинграда, Москвы, Вильнюса, Минска, Могилева, Ставрополя. Исследование Бондарчика открывает новые страницы в белорусской этнографической науке; многое же получило в этой работе более свежее и яркое толкование.

В рецензируемой книге показано, что чувство любви к своему народу направляло творческие и духовные силы Романова. С первого года своей трудовой деятельности (1872) в качестве учителя народного училища он проявляет интерес к этнографической науке и начинает собирать материалы по культуре белорусов. Прослежены связи Романова с передовыми русскими учеными и научными учреждениями Москвы и Петербурга. (Романов состоял членом двенадцати научных обществ и научных учреждений.) Главная роль в руководстве его работой принадлежала Русскому географическому обществу. И хотя научно-собирательская деятельность Е. Р. Романова была встречена царской администрацией равнодушно или даже враждебно, к 1884 г. у него накопилось столько фольклорно-этнографических материалов, что он «решил издать их многотомным изданием в виде „Белорусского сборника“» (см. стр. 75).

За свою жизнь Романов издал девять выпусков «Белорусского сборника». Материалы десятого выпуска были опубликованы после смерти ученого в 1928 г. Академией наук Белорусской ССР. Выпуски XI—XIV, имевшиеся только в рукописи, погибли во время Великой Отечественной войны в Минске в фольклорных архивах Академии. «Белорусский сборник» — основной труд ученого. Всего им было собрано произведений белорусской народной словесности общим количеством свыше десяти тысяч. Из других наиболее крупных его работ нужно особо назвать также два выпуска «Материалов по этнографии Гродненской губернии» (1911—1912), три выпуска «Могилевской старины» (1900—1903) и «Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд Велижский» (1898). Все эти работы Романова получили в рецензируемой книге свою оценку, хотя и не всегда исчерпывающую. Читатель найдет здесь, например, полную характеристику этнографических материалов, но довольно беглый обзор произведений народной словесности, опубликованных Романовым. Желателен также более углубленный анализ археологических и языковедческих работ ученого.

С 1882 г. Е. Р. Романов много внимания уделял археологическим и антропологическим исследованиям, которые он предпринял по поручению Московского археологического общества и Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, а затем создал ряд краеведческих музеев, в значительной степени на базе археологических раскопок, произведенных самим ученым в период с 1886 по 1894 год. Автор отмечает стремление Романова к тому, чтобы охватить этнографическим изучением всю Белоруссию, собирая материалы в местах, наиболее отдаленных, глухих, мало или вовсе не исследованных. В трудных условиях, постоянно сопутствующих работе Е. Р. Романова, он все же смог опубликовать около двухсот своих работ по этнографии, фольклору, языку, археологии и истории Белоруссии.

В. К. Бондарчик отмечает, что Романов ясно видел расслоение деревни, нищету и эксплуатацию крестьянской малоземельной бедноты, но указывает, что, сам выходя из толчи народных масс, он отразил, однако, взгляды демократической мелкобуржуазной интеллигенции в своем понимании социально-исторических процессов. Путь борьбы за освобождение трудового народа от нищеты белорусский этнограф видел в просветительской работе и не смог подняться до сознания необходимости изменения жизни людей путем революционного переворота.

После Октябрьской революции Романов сразу же стал на сторону победившего народа. По приглашению Академического центра Наркомата просвещения Белорусской ССР, он должен был переехать для работы в Минск, но не успел этого осуществить, так как умер 20 января 1922 г. в Ставрополе, где тогда находился.

В книге приведены оценки учеными-современниками заслуг Романова перед наукой и показана плеяда непосредственных продолжателей его дела в области этнографии. Труды этого выдающегося этнографа до настоящего времени широко используются

в науке, в произведениях народных белорусских поэтов и писателей — Кудалы, Коласа, Крапивы и др.

Так в общих чертах предстает в книге В. К. Бондарчика жизненный и научный путь замечательного сына белорусского народа, ученого-самородка Е. Р. Романова. Все вопросы, поднятые в ней, получили в основном правильное и глубокое освещение; автором приведена убедительная, обширная, подчас исчерпывающая, аргументация основных положений.

Однако не лишним было бы избежать в книге прямых повторений на многих страницах одних и тех же мыслей (см. стр. 12, 197, 216, 218, 223, 234 и др.). Эти повторения — результат известной тенденциозности автора, стремления подчеркнуть, например, неправильность взглядов на деятельность Романова прежних исследователей, выпятить ее значение, и т. д. Так, на стр. 67 В. К. Бондарчик приводит автобиографические воспоминания Романова о том, что ему приходилось в детстве есть хлеб, который выпекался из разных дикорастущих с добавлением незначительного количества муки. То же самое находим и на стр. 202, где характеризуется VIII выпуск «Белорусского сборника». Автор во многом повторил и общую характеристику трудов и сборников Е. Р. Романова в разных местах книги. Если в главе о жизни и деятельности ученого она уместна, то выглядит ненужным привеском, распыляет внимание читателя на тех страницах, где дается анализ его научной продукции.

В. К. Бондарчик не всегда удачно полемизирует с другими авторами. Вряд ли нужно считать «реакционными выпадами» оценку первых выпусков «Белорусского сборника», данную Н. Ф. Сумцовым. Тем более, что сам автор исследования в других местах признает, что Сумцов предъявил к трудам Романова справедливые требования. Нельзя забывать и положительного влияния на собирательскую и научно-исследовательскую работу белорусского этнографа со стороны профессора Сумцова. Желательно было бы найти в книге более разностороннюю характеристику крупнейших трудов ученого.

В целом же книга В. Бондарчика читается с интересом, а о несомненной пользе ее и говорить не приходится.

В. Боган

Е. М. Кравец, *Діяльність Т. Г. Шевченка в галузі етнографії*, Київ, 1961, 106 стр.

К столетию со дня смерти Тараса Григорьевича Шевченко вышла книга Е. М. Кравца «Деятельность Т. Г. Шевченко в области этнографии», которая впервые раскрывает не изучавшуюся до сих пор сторону деятельности Т. Г. Шевченко. В этом большая заслуга автора.

В первой части книги дан очерк развития этнографической науки в первой половине XIX в. На этом фоне более четко вырисовывается место Шевченко в развитии этнографической науки на Украине. Привлекая архивные материалы, зарисовки, графические материалы, анализируя фольклорный и этнографический материал в творческом наследии Шевченко, Е. М. Кравец показывает его как основоположника революционно-демократического направления в этнографии на Украине (раздел «Деятельность Т. Г. Шевченко в области этнографии на Украине»).

Этнографическую деятельность Шевченко не отрывал от революционной борьбы. Он сочетал интерес к изучению быта украинского и других народов России с острой критикой самодержавия, призывая народ к свержению крепостничества. В книге разоблачаются утверждения украинских буржуазных националистов о том, что этнографическая деятельность Шевченко сводилась к описанию внешнего быта крестьян.

Революционно-демократическое направление в этнографии, основоположником которого на Украине был Т. Г. Шевченко, развивалось и крепло в условиях острой борьбы с дворянским и буржуазно-либеральным направлениями. Большинство украинских этнографов подходило тенденциозно к освещению жизни народа, а некоторые из них вообще отрицали существование украинского народа, его культуры и языка. Изучение состояния материальной и духовной культуры народа периода первой половины XIX ст. должно было вскрывать чрезвычайно тяжелое социальное положение закрепощенного крестьянства. А это противоречило интересам реакционных этнографов — идеологов класса помещиков. В связи с этим, подчеркивает автор, деятельность революционера-демократа Шевченко в области изучения жизни и быта украинского народа имела особое значение.

Целый ряд материалов из творческого наследия Шевченко по-новому освещен в книге с точки зрения этнографии. И перед читателем предстает Шевченко как великий знаток жизни народа, его материальной и духовной культуры. Во время путешествия по Украине Т. Г. Шевченко находился среди народа, посещал крестьянские семьи, записывал песни, обычаи, обряды, читал свои стихи, делал зарисовки народного жилища, одежды, хозяйственного инвентаря. Шевченко широко использовал этнографические материалы, доказывая губительное влияние крепостнических отношений на развитие культуры украинского народа.